

Мужское начало

Характерная актриса в поисках героя-любовника
независимая - 2002 - 7 марта - с. 9.

Игорь Манцов

Елена Коренева
Идиотка. Роман-биография.
— М.: Аст, 2002,
536 с.

Важно прочитать эту книгу правильно. Знаменитая актриса Елена Коренева имитирует непосредственность, восторженную интонацию типа «ой, девочки!». На деле идет тяжелая женская работа. Опытная и умная Коренева стилизует мышление дикарки, то бишь «идиотки». Не опускается до абстракций и умозаключений. Оперрует лицами, телами, запахами, интерьерами, фактами. Чувственно и конкретно. Все остальное делает читатель.

Два сюжета стоят остальных. Они настолько убедительны, что позволяют рассматривать книгу как роман. Может быть, эпохальный. Эпоха развитого социализма. Семидесятые. «Идиотка» отвечает на многие серьезные вопросы. Конечно, если читатель отважится эти вопросы сформулировать.

Во-первых, Кореневу очень интересуют мужчины, и это говорит в ее пользу. Однако единственный мужчина в книге, нежность к которому хочется с автором разделить, — отец, кинорежиссер Алексей Коренев. Имя

это малоизвестно, а зря. Коренев был блистательным, без малого великим мастером жанрового кино. Достаточно напомнить его телесериал «Большая перемена». Остальные мужчины Кореневой — большая проблема. Собственно, книга — попытка ее разрешить.

Второй, социально-психологический, сюжет намертво связан с гендерным. Страна эпохи позднего социализма тяжело больна, а значит, тяжелое поражение терпит идея мужского. И наоборот, советский мужчина настолько несостоятелен, что делает социальную катастрофу неизбежной. Коренева — невинная жертва с большими глазами. Здесь начинаются жанр, мелодрама, и оба сюжета благополучно закрутятся, к нашему полному удовольствию.

Монолог Кореневой — квинтэссенция женского. Космос, черная дыра неопределенности, которую призван заполнить и разрешить настоящий мужчина. А что на деле? Травмы, кошмар.

Сначала был одноклассник Саша, который дерзкими взглядами гипнотизировал учительниц. Второй герой — Саша на новом историческом витке. Теперь он — художник. Художником его назначили папа, мама, правящая партия, благодарная папе за верноподданнический гимн. Верно, Андрей Михалков-Кончаловский. Мать, Наталья Кончаловская, звала его исключительно Андрюхом. Двойной стандарт? Но это только начало. «Отчаявшись, как мне казалось, найти истину в вечном конфликте полов, Кончаловский-мужчина игнорировал предъявляемые ему обвинения морального толка, сосредоточив все лучшее, что в нем было, на профессии».

Эпизоды с капризным барчуком упоительны. Тянулся к свету, помогал окружающим плебеям... Наконец, брак по рас-

Где он? Кто он?

«Портрет Лены» работы Александра Синицина.

чету, с французенкой, который «гарантировал беспрепятственный выезд за границу». Или вот: «Мы делали «чес» по входившим в фестивальную программу посольским вечерам, порой побывав на трех-четыре подряд, в каждом месте по полчаса. Он давал мне задание: «Пока я разговариваю, ты возьми салфетку и собирай что есть вкусенького на столе. Побольше икры, креветок и зелени, зелени!» Затем Кончаловский давал тайный знак, прощались с иностранцами и уводил любимую в ночь, то бишь в ма-

шину, где жадно поедал дармовые креветки.

Далее — перестал быть «азиатом»: «Проезжая как-то по Красной Пресне, он взглянул за окно своего «Вольво» и робко признался: «Я этого совсем не знаю!» «Это» — спешащие после работы советские служащие, перекошенные сумками и заботами.

Женское ждет от мужского ответственности, взыскует содержания. Но вместо этого получает патологическую инфантильность, вкупе с агрессивным нарциссизмом: «Однажды в пылу скептического красноречия

он низверг с пьедестала женское тело как таковое в пользу «несомненно более совершенного» мужского: «Посмотри на греческие скульптуры — как гармоничен мужской торс... А фаллос?»

Совок узнается с полета. На «Мосфильме» и в Голливуде. Непомерное тщеславие совка: смотри, крошка, мне аплодируют Антониони и Бертолуччи! Спокойно, Антониони очень вежливый человек, а Бертолуччи — коммунист, друг советской

тересными людьми — от Градского до Бродского. Но все последующее определяется той первичной травмой — советскими мужчинами из хороших семей, на беду прочитавшими Ницше от корки до корки, но не сумевшими соответствовать уровню разговора. Книжные мальчики, по-настоящему не любившие ни свою страну, ни ее потрясающих женщин.

Многочисленные фотографии равнозначны тексту. Сним-

Затем Кончаловский давал тайный знак, прощался с иностранцами и уводил любимую в ночь, то бишь в машину, где жадно поедал дармовые креветки

страны и лишь поэтому — друг советского же режиссера.

Не надо путать москву со слоном. Мы знаем, где Антониони, а где Кончаловский Андрон. Думаю, и Коренева догадывалась. Но куда денешься? Где они, другие мужчины? Как преодолеть искушение божественным существованием и вырваться? Видимо, никак. В книге подробно описывается процедура символического обмена: женщина поступает достоинством и сокровенными надеждами на равноправные отношения, получая взамен возможность тусоваться на территории «культуры», блистать, соблазнять и ничем не делиться по-настоящему.

Дальше была большая судьба. Кино, личная жизнь, Америка, снова личная жизнь, возвращение на Родину. Читателю есть чем поживиться: встречи с ин-

кишний раз акцентируют женскую неразрешимость. Быт, повседневность, поверхность, не более того. Лица героини, ее любовников, друзей, родителей и сестер. Лучшее, что есть в этой незаурядной книге, собрании занимательных историй из жизни сильной женщины. Которую никто не смог приручить. В самом деле, разве женщины, которых приручили, пишут такие нервные тексты? «Идиотка» прочитывается благодаря дизайну обложки как приглашение отправиться куда подальше: «Иди-тка!» Без комментариев.

На всех последующих фото в глазах Кореневой — сталь. А на той, «периода первой любви», — надежда, ожидание, мольба. Отчего-то у современных женщин такие фотографии не получаются. ■